

2 *TIME WARS*

Саймон Хоук

Интрига
хранителя
времени

Саймон Хоук

Интрига хранителя времени

«Aegitas»

1984

Хоук С.

Интрига хранителя времени / С. Хоук — «Aegitas», 1984

ISBN 978-0-3694-0380-3

До встречи с Хантером Лукас не подозревал о существовании временного подполья – вольно организованной сети дезертиров из корпуса времени. Большинство из них предпочли остаться в том периоде времени, в котором они дезертировали, но некоторые, как тот же Хантер, располагали украденными хроноплатами с отключенной функцией отслеживания. Вот у кого была неограниченная свобода. Все время было к их услугам. Лукас часто задавался вопросом, сколько людей в прошлом на самом деле были людьми из будущего. Было страшно осознавать, насколько деликатным и хрупким стало течение времени.

ISBN 978-0-3694-0380-3

© Хоук С., 1984

© Aegitas, 1984

Содержание

Интрига хранителя времени	6
Предисловие	8
1	9
2	17
3	24
4	34
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Саймон Хоук

Интрига хранителя времени

*Посвящается Эрлу и Мэриан Вулли, в доме которых была написана
с большая часть этой книги с признательностью и благодарностью*

Переведено по изданию:
The Timekeeper Conspiracy
Ace Science Fiction Books, 1986
Copyright (c) 1984 by Simon Hawke

Перевод: Игорь Бойко

Дезертиры времени

Интрига хранителя времени

Предисловие к русскому изданию

Возможно ли, чтобы кто-то в цивилизованном мире не слышал о «Трех мушкетерах»? Книга Александра Дюма переведена на десятки языков, нашла свое отражение в фильмах, театральных постановках, телеспектаклях, анимационных фильмах, комиксах и даже видеоиграх. В большей степени, чем любое другое литературное произведение, она определяет жанр приключений, в котором фигурируют плащ и шпага, долг и честь. Я попал под влияние Дюма, а также Рафаэля Сабатини и Роберта Луиса Стивенсона, в раннем возрасте, и, зная с детства, что я хочу стать писателем, именно по их стопам я мечтал последовать.

У каждого из нас есть собственный любимый фильм, снятый по этому роману. У меня таковых два, которые мне пришлось по вкусу по разным причинам. Мне нравится режиссерская версия Ричарда Лестера, с Майклом Йорком в роли Д'Артаньяна, Оливером Ридом в роли Атоса, Фрэнком Финли в роли Портоса и Ричардом Чемберленом в роли самого молодцеватого Арамиса. Фильм также дал нам неожиданный бонус: отличную комедийную игру секс-символа Ракель Уэлч в роли Констанции, Чарлтона Хестона с накладным носом в роли кардинала Ришелье, Фэй Данауэй в роли миледи де Винтер и замечательного Кристофера Ли в роли Де Рошфора. Мало кто знает, что на главные роли в этом фильме изначально планировалось пригласить «Битлз», кто бы мог подумать, находившихся на пике своей славы в 60-е годы (хотя фильм был снят только в 1973 году), которых Лестер уже снял в двух своих фильмах. Я не знаю, почему этого не случилось, было ли это решением «Битлз» или кого-то еще, но я уверен, что если бы они это сделали, то фильм был бы полной катастрофой, а Дюма перевернулся бы в своей могиле. Вместо этого Лестер привнес в фильм правильную режиссерскую ментальность, пригласил звездный актерский состав и блестящего сценариста Джорджа МакДональда Фрейзера, более известного своими замечательными романами в серии «Флэшмен», которые я настоятельно рекомендую.

Другая моя любимая версия истории – фильм 1948 года режиссера Джорджа Сиднея, в котором неожиданно для себя в роли Д'Артаньяна снялся певец и танцор Джин Келли. Мягко говоря, Келли был ограничен как актер и, по крайней мере, на мой взгляд, роль он не потянул, зато он привнес свои атлетические танцевальные навыки в сцены фехтования на шпагах, смотреть которые было одно удовольствие. На мой взгляд фильм вытянул Ван Хэфлин в роли Атоса, а Лана Тернер преподнесла большой сюрприз, реально сильно сыграв миледи Де Винтер. Были и более поздние версии, но ни одна из них, по моему мнению, не приблизилась к этим двум.

Когда я решил создать собственную версию этой истории в качестве второго романа из серии «Войны времени», я испытывал смешанные чувства. Мне очень хотелось поиграть с ней и придать ей научно-фантастический колорит с путешествиями во времени, но в то же время, это была поистине культовая история, и я не хотел разочаровывать людей, которые ее любят. Я знал, что, по всей вероятности, лишь небольшая часть людей, которые видели фильмы, прочтут мою книгу, но, тем не менее, у меня было ощущение, что я пытаюсь примерить довольно большую пару туфель. (Или, в данном случае, кавалерных сапог.) Предоставить Андре роль в этой истории казалось естественным. Честно говоря, я понятия не имею, откуда она взялась.

Наверное, мне стоит объяснить, что когда я пишу, то применяю метод актерской импровизации. Некоторые писатели планируют свои романы заранее. Роберт Хайнлайн, например, заполнил бы целую стену диаграммами, отображающими персонажей из его «Истории будущего». Мне говорили, что Айзек Азимов использовал картотеку. Мой друг и наставник, Норман Спинрад, делал подробные наброски своих рассказов в тетрадах. Говорят, Агата Кристи наполняла корзину яблоками, ставила ее на стул рядом с ванной вместе с блокнотами линован-

ной бумаги и карандашами, а затем принимала ванну, работая над своими романами в обратном направлении – от финала к началу. Я так не умею. Обычно, в лучшем случае, у меня есть общее представление об истории, которую я хочу рассказать, но я понятия не имею, как я ее расскажу и куда она пойдет, пока не начну писать. Я не планировал появления красного рыцаря в «Гамбите Айвенго», и я понятия не имел, что «он» окажется женщиной, выдающей себя за мужчину, пока этого не произошло. И я так влюбился в эту героиню, что не смог ее отпустить. Стоило ей появиться в сюжете, как мне показалось естественным, чтобы она продолжила одеваться как мужчина и притворяться кавалером, периодически становясь женщиной XVII века. Иногда лучшие персонажи просто появляются случайно, как будто они сами себя создают. Один мой знакомый писатель однажды описал это как «сосуд, который заполняется вином». (В моем случае это была водка, а в наши дни это обычно просто кофе или зеленый чай).

Для писателя нет большей награды, чем теплый прием его историй у читателей. Прошло уже почти четыре десятилетия с тех пор, как я написал первый роман серии «Войны времени», и они все еще нравятся людям. Из всех книг, которые я написал, а их было довольно много, они были самыми успешными. И теперь, благодаря Игорю Бойко, я смогу перевести их на русский язык, язык моих родителей и предков, язык Толстого, Лермонтова, Достоевского, Пушкина и Крылова. Я не претендую на то, чтобы быть достойным оказаться в такой компании, но я благодарен за предоставленную возможность.

Саймон Хоук

Гринсборо, Северная Каролина
США

Предисловие

Жизнь Гарвина сочилась из него в дюжине разных мест. Он не думал, что можно потерять столько крови и все еще быть живым. Он знал, что ему осталось жить сущие мгновения, а может и меньше.

За его правым ухом, возле самого нерва, находилась вживленная микросхема, которая при активации посылала кодированный сигнал в агентство. Они найдут его, запеленговав имплант, но они не успеют. Он умрет через несколько мгновений, после чего будет отправлен другой сигнал. Это будет сигнал терминации, который сообщит им о том, что агент Ричард Гарвин, кодовое имя Хорек, отдал концы.

Как же он налажал. Гарвин понятия не имел, как они на него вышли. Он никогда не узнает, как провалилось его прикрытие, но это не имело никакого значения. Он больше не имел никакого значения. Что имело значение, так это то, что они не закончили работу.

Они приняли его за мертвого, но он еще не умер. Ему надо было продержаться еще немного, чтобы передать информацию. Если он сумеет, то все было не напрасно. Он умрет за что-то значимое. И он сумеет им отомстить, пусть и из могилы.

Он больше не чувствовал боли. Только пронизывающий, вызывающий онемение холод. Его дыхание разделилось на булькающие вдохи, он дрожал, несмотря на теплый весенний день. Весна в Париже, подумал он. Чудесная пора, чтобы умереть. Он фыркнул и начал выкашливать кровь.

Он потянулся рукой за левое ухо и обнаружил там не что иное, как сырое месиво. Вот тебе и передатчик. Подкожные импланты были такими хрупкими. Они знали куда ударить. Их не волновал его церебральный имплант. Они знали, что его коллеги-агенты никогда не доберутся до него вовремя. А время заканчивалось. Он должен сообщить им, он должен оставить послание.

Он медленно тащился по полу, оставляя за собой широкий кровавый след. С каждым движением на пол вываливалась новая порция внутренностей. Он не пытался затолкать их обратно. Какой в этом был смысл? Это не имело значения. Он был покойником. Ничто не имело значения, за исключением того, что он узнал.

Ему показалось, что прошла целая вечность, прежде чем он прислонился к белой, как мел, стене крошечного домика на Rue de Seine. Время. Только бы хватило времени... Перед глазами все плыло. У него сильно кружилась голова.

Он никогда не думал, что все случится вот так. Он всегда знал, что может умереть, и что его смерть может быть неприятной. Это было то, о чем знал и с чем жил каждый агент. Но он никогда не думал, что его уход будет настолько унижительным. Они найдут его рассеченным, в луже на полу, с вывернутыми внутренностями, словно он стал жертвой обряда авгуров. Изучите мои кишки, предскажите будущее. Или, в этом случае, прошлое.

Он макнул палец в собственную кровь. Этой было предостаточно. Прощу тебя, господи, подумал он, просто дай мне еще немного пожить. Столько, чтобы написать мою эпитафию.

Он закрыл глаза и сделал глубокий, дрожащий вдох. Это вызвало новый приступ кашля. Борясь с вторгающейся темнотой, Гарвин использовал каждую унцию воли и силы, которые он смог мобилизовать, чтобы унять дрожь в пальцах. Он начал писать свое последнее слово собственной кровью.

Время. В конечном счете все всегда сводится к времени. И время Гарвина истекло. Они нашли его привалившимся к стене, его невидящие глаза были широко раскрыты.

Снаружи было утро, и птицы пели песни весны.

1

Все возвращается на круги своя, думал Лукас Прист. Жизнь превратилась в серию повторяющихся переживаний. Паря на воздушной подушке, наземный шаттл проложил свой путь через площадь, образовавшую центр гигантского атриума, – станцию отправления базы Пендлтон. Лукас стрельнул сигарету у драйвера. Он зажег ее, потеряв о бок пачки, затем набрал полные легкие дыма и откинулся на мягкое сидение. Административные здания возвышались над головой, обступив площадь со всех сторон. Скайкэбы и грузовички шныряли в воздухе над ним, следуя маршрутам движения и уверенно лавируя между соединяющих здания многочисленных пешеходных переходов.

Они миновали группу солдат, которые вытянулись в струнку и отдали честь. Лукас был совершенно уверен, что честь они отдали не ему, а штабному шаттлу. Он увидел мужчин и женщин, одетых в серебряную униформу коммандос пояса, собравшихся перед стойками торговых автоматов. Они затаривались снеками, сигаретами и кофе. Бойцы кавалерии конфедератов Джеба Стюарта оживленно общались с персидскими бессмертными, которым вот-вот предстояла отправка в армию Ксеркса. Рыцари в доспехах крестоносцев сидели со скрещенными ногами на полу рядом со своим снаряжением в позе, которая была бы им недоступна, если бы их доспехи не были изготовлены из гибкого найстила – такой возможности у настоящих крестоносцев никогда не было. Неподалеку спартанцы в бронзовых нагрудниках и красных плащах резались в карты с одетыми в черное немецкими танкистами. Участники смешанной группы из британских красных мундиров, пехотинцев Первой мировой и японских самураев травили военные истории, передавая бутылку по кругу и прислушиваясь к сгенерированному компьютером голосу, объявляющему по системе оповещения коды отправки и решетки назначения. Все станции отправки были похожи друг на друга как две капли воды, и поездка по площади напомнила Лукасу Квантико, где все и началось.

Тогда все было иначе. Он не знал, что его ждет. Он уволился из Вестерли Энтиэйджестик, чтобы поступить на службу в корпус времени, потому что ему было скучно. Он купился на предложение рекрутинговой команды и записался в солдаты, его голова была заполнена восхитительным предвкушением грандиозных приключений и романтики. Тот первый день, те первые ощущения от временной станции отправления очень напоминали текущие. Разница была лишь в том, что теперь его сердце не колотилось с частотой, которая казалась в два раза выше нормальной, и его дыхание не перехватывало при виде солдат, одетых в костюмы разных эпох и готовых отправиться на свои задания. Теперь это было знакомое зрелище. Он был здесь раньше.

Он вспомнил с иронической улыбкой, что восторженное увлечение его новой карьерой было невероятно кратковременным. Оно развеялось уже в ходе первого задания, когда он впервые в жизни узнал, каково это – бояться.

Он почувствовал на собственной шкуре, что прошлое далеко не так гламурно и романтично, как он предполагал. Он принял участие в форсированном марше римских легионов Сципиона. Он побывал в конных набегах Атилы и его гуннов, а также совершал боевые вылеты с «летающим цирком» барона Манфреда фон Рихтгофена. Он видел нищету, болезни, смерть и разрушение. Он узнал, что жизнь в корпусе времени была гораздо более жестокой и примитивной, чем он мог себе представить. И гораздо более эфемерной. Тогда он жил только для того, чтобы превозмочь шансы и выжить, завершить период боевой службы и уволиться. Именно так, но по ходу дела что-то внутри него изменилось.

Он вернулся к гражданской жизни, к работе в лаборатории, где он пребывал в приятной, стерильной и безопасной обстановке. Ничего не изменилось. По крайней мере, так ему показалось сначала. В первое время у него было ощущение, что он никогда не уезжал, а пережитое

во время службы словно было частью какого-то особенно яркого сна. Но это был сон, который не желал забываться. Подобно дезориентирующим следам кошмара, задерживающимся в мозгу до самого утра, воспоминания о прошлых сражениях вцепились в него, оставив свою отметину. Ему не потребовалось много времени, чтобы узнать суровую правду о солдатах временных войн. Они оставляют частички себя разбросанными по всему времени. Они не могут просто вернуться домой.

Он начал испытывать беспокойство, умирать от скуки и дискомфорта. Несмотря на то, что бои остались позади, где-то в глубине своего естества он продолжал сражаться. Он стал псом войны, непригодным для домашней жизни.

Он чувствовал себя не в своей тарелке, сталкиваясь с реакцией гражданских, когда те узнавали, что он был ветераном временных войн. Им хотелось узнать, каково это было, но почему-то он не мог им рассказать. Он пытался, но полученные ими ответы никогда рядом не стояли с тем, что они ожидали услышать. На самом деле, они не хотели знать того, что он пробовал до них донести. Он больше не был солдатом, но они все еще оставались *гражданскими*.

Решение пойти на сверхсрочную далось ему нелегко. Это было все равно, что выйти на самый высокий трамплин над бассейном, заполненным ледяной водой. Было реально трудно собраться с мужеством, чтобы нырнуть, но стоило ему переступить черту, как все напряжение испарилось без следа. Спираль вышла на новый виток, только на этот раз все ощущалось иначе.

Все было приятно узнаваемым. Он всегда думал, что ненавидит армейскую жизнь, и испытал что-то вроде шока, когда обнаружил, насколько ему здесь комфортно.

По зачислении ему было присвоено звание капитана. Повышение стало результатом выполнения последнего задания, исторической корректировки в Англии XII века. Того самого, по окончании которого он поклялся, что подобное с ним никогда больше не повторится.

Та корректировка радикально отличалась от стандартных вахт. Это не было похоже на инфильтрацию в ряды солдат прошлого и участие в сражениях бок о бок с ними, чтобы помочь определить исход войны, которая велась на бумаге в XXVII веке. Корректировка понадобилась в связи с угрозой нарушения непрерывности времени. Было приведено в действие то, что доктор Альбрехт Менсингер называл «рябью», и возникла угроза серьезной временной контаминации. Течение времени было в опасности, и временной поток мог подвергнуться разделению. Эту величайшую из всех временных катастроф следовало предотвратить.

Разделение во времени, решение Менсингера для парадокса дедушки, было в центре внимания обсуждения ограничений временных операций 2515 года, по результатам которого была принята конвенция по ведению временных войн, а вся власть была передана международному корпусу рефери, члены которого стали инспекторами и окончательными арбитрами всех временных конфликтов.

Прошлое было абсолютным. Оно случилось, оно было пережито, оно было неизменно. До принятия конвенции считалось, что инерция временного потока предотвратит все временные нарушения, за исключением наиболее ограниченных и незначительных. Доктор Менсингер доказал обратное, воспользовавшись парадоксом дедушки.

В загадке ставился вопрос о том, что произойдет, если человек отправится в прошлое, в тот момент, когда его дед еще не родил сына. Если бы этот путешественник во времени убил собственного деда, то его отец не родился бы, а это значит, что и он не родится. Вот вам и парадокс дедушки. Если путешественник во времени так и не родился, то как же он мог вернуться назад во времени, чтобы убить своего дедушку?

Менсингер продемонстрировал, как инерция временного потока скомпенсирует такой парадокс. В момент смерти дедушки временной поток будет разделен, создав два течения времени, параллельные друг другу. В одном течении будет сохранено абсолютное прошлое путешественника во времени. В другом будут учтены его действия. Поскольку для путешественника во времени должно было существовать абсолютное прошлое, в котором он еще не

вмешался в непрерывность времени, он оказался бы во втором течении времени, которое он создал своим действием.

Разделение привело бы к всеобщему дублированию материи. Все, что существовало в прошлом, до разделения, теперь будет существовать и в этом втором течении времени. События в этом течении будут происходить под влиянием действий, предпринятых нашим путешественником. Менсингер постулировал, что существует возможность предотвратить разделение временного потока, отправив кого-то в прошлое в точку до разделения. Тогда, теоретически, можно помешать путешественнику во времени убить своего деда. Однако при наличии такого разделения разделение должно было случиться до появления возможности его предотвращения. Любой, кто возвращается в прошлое, чтобы не дать путешественнику во времени убить своего дедушку, может прийти из будущего, в котором этот дедушка уже был убит внуком.

Менсингер обнаружил, к своему огорчению, что, в конце концов, разделенные течения времени воссоединятся. Если течения времени уже воссоединились к тому моменту, когда кто-то отправился в прошлое, чтобы предотвратить убийство деда, то его действия по предотвращению разделения, на самом деле, ничего не предотвратят. Скорее, по сути, он будет изменять что-то уже случившееся до того, как оно случилось. Что делает возможным еще одно разделение. В противном случае это означает уничтожение всего течения времени, что чревато не менее пугающими последствиями. Это означало бы геноцид всех, кто существовал в течении времени, созданном убийством деда. Это было бы не только массовым убийством невысказанных масштабов, но и привело бы к катастрофическим последствиям для будущего, события которого могли бы быть продиктованы действиями, предпринятыми в этом втором течении времени.

За свои исследования Менсингер был удостоен желанной Бенфордской премии, но он пришел в ужас от собственных открытий до такой степени, что остановил свои эксперименты. Он призвал к немедленному прекращению временных войн и к строжайшему контролю перемещений во времени. Он утверждал, что сомнительные преимущества ведения войн в конфликтах прошлого во имя избавления настоящего от мрачных реалий войны намного уступают присущим системе опасностям. Возражать ему никто не стал, но временные войны продолжались. Для того, чтобы временная война осталась в прошлом, кому-то надо было сначала ее остановить. Но ни одна нация не была готова воздержаться от путешествий во времени из опасения, что другие продолжают эту практику, используя время как оружие против нее.

Задание по корректировке, в выполнении которого участвовал Лукас Прист, было связано с самым близким к осуществлению раздвоением течения времени в истории временных войн. Миссия была успешно завершена, и непрерывность времени сохранена, но это стоило жизни половине команды Приста. В живых остались лишь Лукас Прист и Финн Дилейни, но даже они не выжили бы, если бы не вмешательство дезертира из корпуса времени по имени Риз Хантер.

С тех пор Лукас часто думал о Ризе Хантере. До встречи с ним он не подозревал о существовании временного подполья – вольно организованной сети дезертиров из корпуса времени. Это были мужчины и женщины, чьи церебральные импланты были либо повреждены, либо удалены, из-за чего их было невозможно отследить. Большинство из них предпочли остаться в том периоде времени, в котором они дезертировали, но некоторые из них, как тот же Хантер, располагали украденными хроноплатами с отключенной функцией отслеживания. Вот у кого была неограниченная свобода. Все время было к их услугам.

Для членов подполья существовало лишь одно ограничение. Разделение или даже незначительный сбой во времени могли повлиять на само их существование, так что в этом отношении, несмотря на то, что они были дезертирами, они все равно были связаны общими приказами, определяющими действия, которые солдат корпуса времени мог предпринять в минусовом времени.

Лукас часто задавался вопросом, сколько людей в прошлом на самом деле были людьми из будущего. Было страшно осознавать, насколько деликатным и хрупким стало течение времени. Если бы обычный гражданин имел представление о том, насколько неустойчив баланс и как легко его можно нарушить, он стал бы бешеным параноиком. Именно в этой системе Лукасу предстояло существовать. Именно в эту систему он вернулся по собственному выбору.

Это заставило его задуматься об устойчивости его собственной психики. Как и о том, а был ли у него вообще выбор.

Как и следовало ожидать, по результатам последней миссии он был приписан к временным командос. Он был зачислен в штат первого дивизиона майора Форрестера, элитного подразделения, сформированного для непосредственной борьбы с угрозами непрерывности времени. Как офицер первого дивизиона, он обладал правом на определенные льготы, такие как бесплатный проезд в любое место в плюсовом времени и роскошное расквартирование в каюте офицера-холостяка в штабе КАВ. Но рука об руку с особыми привилегиями шли и особые риски. Хотя сейчас у него более высокая зарплата, шансы на то, что он до нее не доживет, возросли соответственно. Стандартные миссии и раньше пугали его до полусмерти, теперь же его заданиями почти наверняка будут корректировки. Отныне перспективы стали гораздо более смертоносными.

– И почему я не трясусь как осиновый лист? – пробормотал Лукас.

– Сэр? – драйвер на секунду повернулся к нему.

– Все в порядке, капрал. Просто думаю вслух. Лукас докурил сигарету и выбросил бычок. Откинувшись обратно на сидение, он вздохнул и закрыл глаза. Да ладно тебе, подумал он, зато скучно не будет.

Шаттл высадил его перед штабным зданием командования армии времени. Поднимаясь по трубе лифта к штабу, он наблюдал за суетой на площади далеко внизу. С ним не было никакого багажа, ничего, что можно было бы считать личным имуществом. Те немногие материальные ценности, которые он скопил за время кратковременного возвращения к гражданской жизни, были оставлены в его квартире – наследство какому-то будущему арендатору. Отныне его жизнь снова будет состоять из предметов первой необходимости, входящих в состав полевых комплектов, купленных в системе заказов военных товаров или полученных в ходе выполнения заданий. Парадоксально, но он чувствовал себя на удивление свободным.

Он все еще не привык к тому, что ему отдавали честь в коридорах. В бытность сержантом Лукас никогда не настаивал на исполнении военного протокола, или, как большинство солдат его называли, «микки мауса». Это было очень старое выражение, и никто, похоже, не знал, откуда оно взялось. Лукас однажды попробовал поискать его в банках данных, только чтобы выяснить, что информация засекречена.

В гостиной первого дивизиона был небольшой бар, а сама она была почти пуста, поэтому Лукас сразу же заметил Дилейни. Тот сидел в полном одиночестве за столиком у окна, сгорбившись над своим напитком. Он похудел, и густые рыжие волосы были сбриты, но когда Лукас подошел к столу, то понял, что, по крайней мере, одна вещь осталась неизменной. Дилейни по-прежнему не смог удержать повышение.

– Что, офицерские погоны слишком давили на плечи? – сказал Лукас, рассматривая нарукавную нашивку Финна, украшенную одиноким шевроном ефрейтора.

– Прист! Боже правый!

Лукас улыбнулся.

– Для вас *капитан* Прист, мистер.

Дилейни встал, и они тепло пожали друг другу руки, а затем обнялись, похлопав друг друга по спине. Финн подержал его на расстоянии вытянутой руки, его мускулистые руки сжимали бицепсы Лукаса.

– Хорошо выглядишь, парень, – сказал он. – Но я думал, что ты уволился.

– Я так и сделал. И пошел на сверхсрочную.

– Что же случилось с этим обжигающим желанием легкой гражданской жизни? – спросил Финн.

Лукас пожал плечами.

– Мне кажется, оно перегорело.

Финн хихикнул.

– Я мог бы и догадаться, что ты облажаешься на гражданке.

– По крайней мере, мне удалось сохранить свои планки, – сказал Лукас, взглянув на серебряные знаки отличия на своей нашивке. – Похоже, свои ты куда-то подевал.

– Черт, может ты теперь и офицер, – сказал Финн, – но в душе ты навсегда останешься салагой. Именно так бывает, когда поднимаешься наверх, испытав все на собственной шкуре. Я чертовски рад тебя видеть, Лукас. С возвращением.

– И я рад тебя видеть, Финн. Что пьешь?

– А разве есть варианты?

– Ирландский виски? Отлично, я угощаю. Вижу, ты уже ушел в приличный отрыв. Слушай, мне нужно доложить не раньше 0600. Если тебе нечем заняться, кроме как сидеть и пить, что скажешь, если мы опрокинем несколько, а потом прошвырнемся по городу?

Финн поморщился.

– Хотел бы я, парень, но не могу. Я под домашним арестом.

– *Что?* За что?

– Ударил вышестоящего офицера, – сказал Финн.

– *Опять?* Какого по счету, четвертого?

– Шестого, – сказал Финн с иронией. – Реф специально это отметил.

– Они привлекли для этого рефери?! – сказал Лукас. – Кого ты ударил, генерала?

– Подполковника, – сказал Финн.

– Я почти что боюсь спросить, но за что?

– Потому что он был напыщенным военным засранцем, вот за что, – сказал Финн. – Я сидел в офицерском клубе в расстегнутой куртке. И этот карлик-жокей из административного отдела начинает из-за этого мне трахать мозг. Я сказал ему отвалить, после чего он выставил свое лицо примерно в двух дюймах от моего носа и начал кричать, брызгая в меня слюной. Ну я и сунул ему разок.

– И они потащили тебя к рефери? – сказал Лукас.

– Ну... нет. Не совсем. Это уже произошло после потасовки с ВПшниками.

– *Какой еще* потасовки?

– Ох, ну, ты понимаешь, обычная хрень. Сопrotивление аресту, прямое неповиновение конкретному приказу, нанесение побоев офицерам при исполнении ими служебных обязанностей, повреждение государственного имущества, и еще они что-то присобачили, я уже не помню.

– Да...

– Ага. Так что я должен находиться в расположении до дальнейших распоряжений. Старик был достаточно любезен, чтобы дать мне небольшое послабление, вот почему я здесь, но я даже не могу приблизиться к трубам лифтов. Я тут парюсь уже несколько дней в ожидании заседания апелляционной комиссии. Провожу здесь, в гостинной, большую часть времени, пытаюсь пропить свою зарплату. На самом деле, довольно прикольно. Помнишь старые времена, когда у нас между заданиями на все про все было несколько минут? Теперь, когда мы оказались в этом «элитном» подразделении, нам ничего не остается, как сидеть и ждать.

– Ты сказал, что рефери отдал тебя на растерзание апелляционной комиссии? – сказал Лукас. – Что именно он порекомендовал?

Финн фыркнул.

– Она была настоящей бескомпромиссной сукой. Зачитала мне закон о беспорядках по поводу всех «предыдущих нарушений» в моем личном деле. Думаю, ее точные слова были: «Возможно, вам будет лучше в невременном подразделении. Где-нибудь, где ваши неординарные наклонности не смогут оказывать подобного дестабилизирующего влияния». Ты же понимаешь, что это означает, не так ли?

– Командование поясов?

– К гадалке не ходи, – сказал Финн. – Если бы я мог достать плату, хочешь верь, а хочешь – нет, я бы уже ушел в подполье.

– Не так громко, мой друг, – сказал Лукас. – Кто-то может услышать.

– Да похрен. Я не представляю, как можно забраться глубже, чем сейчас.

– Нырнуть глубже можно всегда, – заметил Лукас. – Вот выбраться намного сложнее. Может быть, кое-что можно сделать.

– Типа чего?

– Не знаю. Но, по крайней мере, они еще никуда тебя не переназначили.

Финн почесал голову.

– Черт. Мне нужно пойти и ударить этого засранца. Скорее всего, они уже вправили ему челюсть, и он снова перекладывает бумаги, пока я собираюсь застрять в поясе астероидов, не давая этим сумасшедшим шахтерам убивать друг друга. Знаешь, я мог ожидать чего угодно, но почему-то никогда не думал, что стану полицейским.

Он посмотрел в гигантское окно, которое было внешней стеной гостиной первого дивизиона. Снаружи было темно, и все здания были освещены, заливая расположенную далеко внизу площадь ослепительным сиянием. Скайкэбы, пробирающиеся сквозь лабиринт зданий, превратили ночь в море красных и янтарных блуждающих огоньков. Окно отсекло весь шум, превратив сцену снаружи в немой балет света и стали.

– Какая-то нереальная картинка, правда? – произнес Финн, не отрывая взгляда от окна. – Знаешь, я просто ненавижу это место. Я родился в этом времени и все же не принадлежу ему.

Лукас улыбнулся.

– Ты романтик, Финн.

Финн фыркнул.

– Я солдат, парень, и этим все сказано.

– Послушай, ведь все еще не устаканено, так ведь? Комиссии еще предстоит вынести окончательное решение.

– Когда ты в последний раз слышал о том, что апелляционная комиссия не пошла в кильватере рекомендации рефери? – спросил Финн.

– Всегда что-то происходит впервые.

– Не обольщайся.

– Что ж, если тебя отправят в пояс, я составлю тебе компанию. У меня есть право на перевод.

– Не будь идиотом.

– А почему нет? Там настолько плохо? Служба не такая уж и опасная, и уж точно она уложит на лопатки работу в лаборатории, которую я оставил перед возвращением в армию. К тому же, мы с тобой столько всего пережили. В том далеком 1194, если быть точным.

Финн улыбнулся, вспомнив корректировку в Англии XII века. Он кивнул.

– Да, это была охрененная миссия, согласен? Мы почти-что ее слили.

– И все же мы выбрались оттуда, – сказал Лукас. – И мы были в еще большей жопе, чем ты сейчас.

– Возможно. Жаль Хукера. Да и Джонсона тоже.

Он опрокинул свой виски.

– Черт, наверно, я старею. Превращаюсь в плаксивого алкаша.

Лукас отодвинул свой стул и встал. Финн посмотрел на него, а затем повернулся, чтобы увидеть, как к их столу приближается майор Форрестер. Он не был обязан вставать при появлении старшего офицера, находясь в гостиной, но в любом случае он сделал решительную попытку. Он уже почти наполовину поднялся над стулом, когда Форрестер сказал: «Вольно, джентльмены. Отставить».

Лукас сел обратно.

– Простите, сэр, – сказал Финн. – Я сделал все возможное, но что-то я плохо чувствую свои ноги.

– Я уже почти принял решение по их ампутации в твоих интересах, Дилейни, – сказал Форрестер.

Старик не изменился. Противовозрастные препараты не позволяли с точностью предположить возраста человека, но Форрестер выглядел таким же старым, как сам Мафусаил. Даже его морщины были в морщинах. Тем не менее, Форрестер держался прямо, и он был в лучшей форме, чем большинство бойцов под его командованием, которые были раз в шесть его моложе. Он был их офицером по подготовке в полевых условиях, и Лукас познал на собственной шкуре, насколько «стар» был старик на самом деле.

Форрестер посмотрел на Лукаса.

– Только прибыл, Прист?

– Только-только, сэр. Собирался доложить вам с утра.

Форрестер кивнул.

– Я знал, что ты вернешься. Солдату на гражданке делать нечего.

Он сел и заказал напиток. И Финн, и Лукас были рады, что уже начали с ирландского виски. Благодаря этому у них был предлог не разделять со стариком его предпочтение в выпивке. По какой-то непостижимой причине, Форрестер пристрастился к «Красному глазу». Из всего питья, которое Лукас поглотил во время своих временных путешествий, эту старую западную бурду Лукас ненавидел больше всего. У стрелков Дикого запада либо была железная конституция, либо желание умереть. Эта адская смесь могла довести человека до слепоты.

– Надеюсь, ты там не сильно расслаблялся, – сказал Форрестер. – Меня только-что «порадовали» срочным делом, и мне нужно оперативно собрать команду, так что, надеюсь, ты в форме.

– Я готов, сэр, – сказал Лукас. – А что будет с Дилейни? Он ввел меня в курс дела, и, если вы позволите высказать мое мнение, то перевод столь опытного бойца в пояс будет огромной глупостью.

– Спасибо, парень, – сказал Дилейни, – но ты не должен...

– Согласен с тобой, – сказал Форрестер.

Глаза Финна расширились от удивления.

– Он не умеет подчиняться, но он чертовски хороший солдат.

– Спасибо, сэр, – сказал Финн, опешивший от комплимента.

– Не благодарите меня, мистер. Я просто констатирую факт. Ты прекрасно действуешь в полевых условиях, но между заданиями демонстрируешь эмоциональную стабильность десятилетнего ребенка. Я слишком хорошо знаком с твоим личным делом. Что ж, теперь ты мой подчиненный, и не стоит меня доводить до кипения. У тебя темперамент салаги, Дилейни, и если ты вернешься с этого задания, я выбью из тебя эту дурь, если потребуется.

Финн уставился на него.

– То есть вы...

– То есть я даю тебе временную отсрочку, – сказал Форрестер. – Вы вместе справились со сложными заданиями. Не хочу разбивать хорошую команду. Тебе все равно придется пройти эту апелляционную комиссию, конечно, если ты вернешься, но я пообщался с офицерами из ее состава, и мне дали понять, что если ты хорошо справишься с поставленной задачей, то этот

факт не останется без внимания. Так что ты сам должен вытащить свою задницу из огня. Но если опять облажаешься, я лично притащу тебя за шкуру к плате и отправлю в эпоху палеолита. Ты там будешь как дома. Сможешь устраивать потасовки с такими же неандертальцами.

– Все предельно ясно, сэр, – сказал Дилейни. – И спасибо.

– Просто сделай работу хорошо, Дилейни. Такой благодарности будет вполне достаточно.

– Что-нибудь уже известно, сэр? – спросил Лукас.

– Ничегошеньки, – ответил Форрестер. – За исключением того, что задание получило высший приоритет. Не могу сказать, что мне нравится то, как идет подготовка. Вы будете откомандированы на эту вахту в распоряжение агентства.

– АВР? – спросил Лукас. – Как-то это необычно, сэр, что скажете? Обычно они не привлекают людей извне.

– Да, не привлекают, – сказал Форрестер. – Именно поэтому я думаю, что дело – швах. Если агентство временной разведки полагает, что не справится собственными силами, то все очень плохо.

– Я еще не сошел с ума, чтобы работать под началом какого-то агента, – сказал Финн. – Эти ребята – банда психопатов, если вам нужно мое мнение.

– Я его не спрашивал, – сказал Форрестер. – И к твоему сведению, именно этих психопатов ты должен поблагодарить за спасение своей задницы. Они конкретно затребовали команду, которая провернула корректировку в 1194-м. Или то, что от нее осталось. А это вы двое.

– Думаю, мы должны быть польщены, – сказал Финн.

Он поднял свой стакан, повернулся в сторону Лукаса и выпил.

– С возвращением на активную службу, парень. Похоже, ты идеально угадал с моментом.

– Пока мы не сменили тему, – сказал Форрестер, – на вашем месте я бы не опаздывал. Инструктаж по заданию назначен на 0700, так что постарайтесь отдохнуть. Вы отправляетесь завтра. Он отодвинул свой стул и встал. – Наслаждайтесь выпивкой, джентльмены.

Лукас скорчил гримасу.

– Эй, Финн, – сказал он, – что ты там говорил про «ничего не остается, как сидеть и ждать»?

Дилейни налил себе очередной шот.

– Не знаю, – сказал он. – А ты что там говорил про «всегда можно нырнуть глубже»?

Лукас наклонил свой стакан в сторону Финна.

– Твое здоровье.

Финн поднял собственный.

– За замешательство в рядах французов!

2

Брифинг состоялся в защищенном помещении на шестьдесят втором этаже здания штаба КАВ. В обычные дни здесь трудился персонал администрации, руководимый непосредственно местным офисом корпуса рефери, но этим утром все они перебазировались в помещения на других этажах. На шестьдесят втором остались только те, кто обладал соответствующим допуском и прошел тщательную проверку АВР. Прошлой ночью они заняли этаж, и пока Финн и Лукас расслаблялись в гостиной, агенты еще раз проверили помещения на наличие всевозможных жучков.

Финн и Лукас прошли рядышком по пустому коридору после того, как их обыскали агенты возле трубы лифта.

– От этих парней у меня мурашки по коже, – сказал Финн.

– Мог бы уже и привыкнуть, – заметил Лукас. – Играем на их поле.

– Да я-то привыкну, – сказал Финн, – но никогда не полюблю.

Они подошли к комнате для брифингов и вновь подверглись проверке, их документы были верифицированы, а сетчатки отсканированы для положительной идентификации.

– Стадо параноидальных засранцев, – пробормотал Финн.

Внутри комнаты их поджидал Форрестер в компании рефери и мужчины с женщиной, сидевших перед настольным терминалом.

– Джентльмены, прошу садиться, – произнес рефери. Он подождал, пока они опустились на кресла, а один из агентов принес им кофе.

– Это была хорошая идея, – сказал Лукас.

– Я подожду с выводами, пока не попробую, – сказал Финн.

– Хорошо, – сказал рефери. – Не пора ли нам начать?

– Сэр? – сказал Лукас.

– Капитан?

– Все ли собрались? Где остальные члены команды?

– Да, капитан, все в порядке.

– Вы имеете в виду, что мы и есть команда?

– Не совсем, капитан. Я не знаю, что вам уже рассказал майор Форрестер, но это дело АВР. В течение этого задания вы будете находиться в распоряжении агентства. Мы имеем дело с корректировкой, возможно, потенциальной, но тем не менее. Сложилась уникальная ситуация, в которой функции АВР и корпуса пересекаются. Откровенно говоря, они лучше умеют справляться с подобными вещами, но в связи с тем, что ситуация может перерасти в корректировку, они запросили командос для усиления. Ваша роль в этой миссии будет определена в свое время, и она будет определена агентством. С этого момента я передаю ведение брифинга мистеру Дарроу из АВР.

Реф повернулся в сторону человека из агентства и кивнул. Дарроу был статным мужчиной с седеющими волосами. Он носил непримечательный облегающий костюм. Среднего роста и среднего веса. Человек, который мог бы с легкостью затеряться в толпе.

– Готов поспорить, что это не настоящее имя, – тихо сказал Финн.

– Не настоящее, – сказал мужчина, которого звали Дарроу. Его губы растянулись в безжалостной усмешке. – У меня отличный слух, мистер Дилейни. Кстати, с вашим кофе все в порядке. Можете пить, не опасаясь подвоха. Если у вас есть иные уместные замечания, я хотел бы услышать их сейчас, чтобы мы могли продолжить.

Финн неловко прокашлялся и покачал головой.

Лукас улыбнулся.

– Превосходно, – сказал Дарроу. – Знакомы ли вы, джентльмены, с группой, называющей себя Хранителями времени?

– Террористическая организация, – сказал Лукас.

– Верно, капитан. Точнее, они являются террористической фракцией Лиги темпоральной презервации.

– Группы Менсингера? – Финн нахмурился. – Понятия не имел, что они как-то связаны.

– По общему мнению, связи нет, – сказал Дарроу. – Формально Лига отмежевалась от Хранителей времени, осудив их действия и объявив их фанатиками. Тот случай, когда котелок называет чайник черным, ну да ладно. Мы уверены, что Лига по-прежнему подпитывает Хранителей финансами и осуществляет их поддержку другими средствами.

– Не понимаю, как это согласуется с целями Менсингера, – сказал Финн.

– Да, но, он ведь мертв, не так ли? – сказал Дарроу. – А политика, особенно политика фанатизма, привлекает странных сожителей. Но, возможно, не таких уж и странных. Лига функционирует открыто, лоббируя и агитируя, все совершенно законно и прозрачно. Хранители предпочитают более экстремальные средства убеждения, но их цели остаются такими же. Прекращение временных войн и перемещений во времени. Последнее требование несколько более экстремально, чем у позднего Менсингера, но все же укладывается в канву его идей, как вы считаете, мистер Дилейни? Вы же эксперт.

– Что ж, вы в курсе, что я изучал исследования Менсингера, – сказал Дилейни. – Вероятно вам также известно, когда я ребенком подал голос не в свою очередь и когда я впервые подтер свою задницу. Менсингер никогда не был фанатиком. Переходите уже к делу.

– Дилейни, заткнись! – сказал Форрестер.

– Все в порядке, майор, – сказал Дарроу. – Мы прекрасно знаем, что рядовой Дилейни невысокого мнения о нашем агентстве. Это не имеет значения, если только не повлияет на его эффективность при выполнении этой миссии.

– Не повлияет, – сказал Финн.

– Да, я знаю, – сказал Дарроу, одарив его своей безжалостной улыбкой. – Ваше личное дело определенно впечатляет. Меня не особо волнуют ваши проблемы с дисциплиной. Некоторые из наших лучших оперативников отсидели в военных тюрьмах. Это единственное, чем вы от них отличаетесь. Пока. Но вы хотели, чтобы я перешел к делу.

– Несколько лет назад нам удалось инфильтрировать Лигу. Тем не менее, только совсем недавно нам также удалось внедриться в ряды Хранителей времени. В последнее время они активизировали свои террористические кампании, и у нас было ощущение, что у них на уме что-то большее. По правде говоря, мы их недооценили.

Они оказались намного умнее, чем мы полагали. Сумели раскрыть нашего агента и уничтожили его. Надо отдать ему должное, он смог оставить сообщение. К сожалению, он умер слишком быстро, чтобы его закончить. Прискорбно. В результате нам неизвестен истинный масштаб их планов. То, что мы знаем, нам не нравится.

Ранее наш агент сообщил, что Хранители связались с кем-то из подполья. Один из ваших стариков стал плохим. Они вышли на него в плюсовое время, поэтому мы предположили, что этот дезертир, очевидно, получил доступ к краденной хроноплате.

Он мельком взглянул на рефери.

– Нас уже достало обыкновение этих штуквин периодически куда-то пропадать. Как бы то ни было, мы предположили, что контакт был налажен для того, чтобы позволить им сбегать в минусовое время, уходя от преследования после террористических актов, но они, очевидно, ставят гораздо более амбициозные цели.

– Террористы – не самые логичные люди в мире. Они видят свою цель в разрушении устоявшейся системы и часто не задумываются над тем, что делать дальше. На сегодняшний день их деятельность сводилась к достаточно традиционным методам. Взрывам, похищениям,

убийствам и т. п. Особенно им нравилось захватывать заложников и использовать их для давления при выдвижении требований. Что ж, на этот раз они превзошли самих себя. Они взяли в заложники само время.

– Теперь в их распоряжении есть хроноплата, и они используют ее для шантажа корпуса рефери. Они требуют демонтажа механизма ведения войн во времени, расформирования корпусов рефери и наблюдателей вместе с нашим агентством, а также прекращения путешествий во времени. В противном случае они создадут раздвоение временного потока.

– Они блефуют, – сказал Дилейни. – Угроза разделения течения времени – единственная причина появления Лиги. То, что вы говорите, означает, что они собираются создать именно то, предотвращение чего является их первой целью!

– Мистер Дилейни, если мы что-то и усвоили по ходу наших попыток разгромить Хранителей, так это то, что они никогда не блефуют. Как я уже говорил, это фанатики. Фанатики не являются рациональными человеческими существами. Им нет резона блефовать, у них на руках потрясающий расклад. Обратимся к истории. В прошлом существовали террористические организации, целью которых был мир, и, тем не менее, они без колебаний использовали насилие в своем стремлении к нему. В терроризме нет логики, есть только очень неприятная реальность его существования.

– Господи, все совсем как в прошлый раз, – сказал Финн. – Это будет адская попытка остановить кого-то с хроноплатой.

– Не обязательно, – сказал Дарроу. – Помните, они не знают, что у нашего агента был шанс сообщить нам об их планах. Они будут исходить из того, что мы не знаем, в каком времени они находятся и что собираются сделать, чтобы добиться раздвоения, если мы откажемся выполнить их требования. И, очевидно, что удовлетворение их требований невыполнимо. В общем, мы не знаем точно, что они собираются делать и как они это сделают, но мы знаем, где они будут это делать. И, только если их планы не изменятся в последнюю минуту, у нас есть шанс их остановить.

– Нам известно, что в качестве оперативного времени они выбрали апрель 1625 года. Нам известно, что они будут действовать из Парижа. И мы знаем, что это был особенно нестабильный временной период. Прошу огласить краткую сводку.

Сидящая за терминалом женщина начала говорить ровным голосом.

– Франция в период с 1610 по 1643 год, правление короля Людовика XIII, регентство его матери, Марии Медичи, с 1573 по 1642 год. Король был объявлен совершеннолетним в 1614 году, в год последнего созыва Генеральных штатов. Королева-мать была сослана в Блуа в 1617 году, когда король находился под влиянием герцога де Люина. В 1619 году Арман Жан дю Плесси, кардинал-герцог де Ришелье, выступил посредником в заключении договора между королевой-матерью и герцогом де Люином. Гражданская война. После смерти де Люина в 1621 году страной правят Мария Медичи и Ришелье. С 1624 по 1642 год – период теневого правления кардинала Ришелье, стоящего за престолом Франции. 1625 год, восстание гугенотов под предводительством герцогов де Рогана и де Субиза. Осада Ла-Рошеля в 1627–1628 годах. Англия направила три флота на помощь гугенотам, но 28 октября 1628 года город сдался после четырнадцатимесячного сопротивления. Война в Италии с Испанией, Ришелье командует армией. Кераский договор 1631 года, начало участия Франции в Тридцатилетней войне. Основание *Académie française*...

– Спасибо, – сказал Дарроу, – достаточно. Как видите, джентльмены, это было жестокое время, полное интриг, заговоров, войн и союзов. Они не могли выбрать лучший антураж для того, чтобы повернуть свои дела. Мы также считаем, что они не могли бы выбрать более неудобный период времени для проведения корректировки, если дело до нее дойдет.

– Так вы полагаете, что их целью будет Ришелье? – спросил Лукас.

– Мы точно не знаем, капитан. Наш агент умер, не успев закончить послание. Но мы исходим из того, что кардинал Ришелье будет вовлечен, прямо или косвенно. Несомненно, в то время он был самым влиятельным человеком во Франции, и является ключевым историческим персонажем. Тем не менее, наш исследовательский отдел выявил еще один фактор, который мы считаем чрезвычайно важным.

– В апреле 1625 года в Париж прибыл молодой человек по имени Д'Артаньян.

Последний раз она была во Франции почти пятьсот лет назад. Тогда ее звали не Андре де ла Круа. Это имя было не настоящим, но ее настоящее имя более не имело для нее значения. Это случилось в другое время, в другой жизни.

Она не принадлежала к Англии XII века в такой же степени, как не принадлежала и к Франции XVII века. Она родилась в западных Пиренеях, в стране басков, но часто ощущала, что вообще не принадлежит к конкретному времени и месту. Чувство непохожести на других, состояние белой вороны, появилось у нее чуть ли не с того момента, с которого она себя помнила.

Все началось, когда умерли ее родители, оставив младшего брата у нее на руках. Она сама была еще ребенком. Ей не потребовалось много времени, чтобы понять, насколько уязвимой может быть молодая девушка, поэтому она научилась выдавать себя за мальчика. Этот обман стал первым серьезным изменением в ее молодой жизни.

Повзрослев, она продолжила маскарад, понимая, что мужчинам открыто гораздо больше возможностей, чем женщинам. У нее была маленькая грудь, которую было достаточно просто, пусть и несколько неудобно, скрывать. Благодаря тяготам жизни под видом мальчика ее тело стало стройным и сильным. Им с братом пришлось просить подаяние и воровать в течение многих лет, пока их не пригрел в качестве своих сквайров странствующий рыцарь, у которого из-за травмы головы было не все в порядке с мозгами. Старый вояка так и не узнал ее тайну, зато натренировал ее в боевых искусствах рыцарства. Это было второе важное изменение в ее жизни.

Она усвоила, что для того, чтобы жить свободно в то время, когда свобода была дефицитным товаром, надо быть сильной и самодостаточной. В результате напряженного труда она превратила свое тело в эффективную боевую машину. Она была выше большинства женщин своего времени, с широкими плечами и длинными руками и ногами. Ее усердие и физические параметры в совокупности дали ей такое тело и такую форму, которая будет неведома женщинам еще несколько сотен лет. Она сравнялась с большинством мужчин в силе, а выносливостью и рефлексамии многих превзошла. После смерти наставника она сделала собственного брата своим оруженосцем и стала наемным рыцарем, «вольным компаньоном» с вымышленным именем Андре де ла Круа. Своей эмблемой она выбрала крест из белых лилий на красном. Охраняя свою тайну как собственную жизнь, ведь с последней пришлось бы расстаться в случае разоблачения, она поступила на службу к принцу Иоанну Анжуйскому. Вскоре после этого она встретила мужчину, которого приняла за колдуна, и тот привел ее к третьему и самому большому изменению в ее жизни.

Его звали Риз Хантер, и он тоже не вписался в свое время. В тот день, когда она его встретила, до его времени оставалось еще четырнадцать сотен лет. Он дезертировал из корпуса времени, и он обладал устройством, которое он называл хроноплатой, машиной для путешествий во времени.

Он сказал ей, что он не колдун, но то, что он назвал «наукой», казалось ничем иным, как магией. Несмотря на то, что он узнал ее тайну, он был единственным мужчиной среди всех ею виденных, кто не относился к женщинам, как к существам второго сорта или собственности. Он сказал ей, что настанет время, когда ей не придется прибегать к своему обману, чтобы жить на своих условиях. Что это время не наступит еще многие сотни лет, и что он мог бы ее

туда переправить. Он рассказал ей о своей жизни, о временах и местах, в которых побывал, и она была одновременно поражена и напугана. Она бы ему не поверила, подумала бы, что он сумасшедший, если бы он не продемонстрировал силу своей науки. Он сказал, что видел в ней родственную душу, человека, который родился не в своем времени. И предложил ей равноправное партнерство на ее собственных условиях.

Она потеряла брата в схватке с предателем, и Хантер помог ей отомстить за его смерть. После этого у нее больше не было причин оставаться в Англии или в 1194 году. Она присоединилась к Хантеру и оставила Англию и свое время позади. Она влилась в ряды подполья.

Антуанетта де ла Круа тоже не было ее настоящим именем. Она чувствовала себя с ним менее комфортно, чем со своим мужским псевдонимом. Они только прибыли в XVII век, и Хантеру потребовалось некоторое время, чтобы купить то, что он называл «предметами первой необходимости». Ими оказались одежда, лошади, экипаж, а также услуги лакеев в ливреях. По пути в Париж они остановились на ночь в небольшом придорожном заведении.

Андре разделась до нижнего белья. Оно ей не нравилось, но, по крайней мере, оно было более удобным само по себе, чем в комплекте с верхней одеждой. Шелка и оборки, кружева и изысканная обувь были непрактичны и, что еще хуже, неудобны. Она вспомнила о своем доспехе, который никогда не был удобен в ношении, но, по крайней мере, он выполнял свою функцию. Она не видела смысла в своей богато украшенной одежде и сказала Хантеру, что ей кажется, что в этом времени роль женщин не изменилась вовсе. Они все еще были одеты, как куклы для мужских игр, только теперь одежды стало больше. Она смирилась с гардеробом, но отказалась «уложить» волосы. Вместо этого она носила парик, купленный для нее Хантером, из тугих светлых локонов, цвет которых соответствовал ее собственным коротким и прямым волосам. Она сорвала его, как только вошла в комнату, и теперь меряла ее шагами, словно животное в клетке, раздраженно почесывая голову. Она предпочитала мужскую одежду, хотя даже та ей казалась ей бессмысленно расфуфыренной.

Ей показалось, что Хантер выглядит забавно в своем алом камзоле с причудливо украшенной перевязью и длинном плаще из темно-бордового бархата. Почему-то ей показалось, что он смотрелся более естественно в мантии волшебника, которая была на нем в момент их встречи в Шервудском лесу. Его высокие сапоги казались приспособленными для верховой езды, но кружевной воротник, манжеты и отвороты сапог казались неуместными, как и широкий черный пояс, который он носил на талии. Но больше всего ее удивила его рапира.

Он положил ее на кровать, когда они вошли в комнату, и теперь она взяла ее, прикидывая ее вес.

– *Это* что – меч? – сказала она с сомнением в голосе. Весь этот день ее обуревало любопытство, но она не хотела заваливать Хантера вопросами.

– Эта штука называется рапира, – сказал Хантер, – и, да, это меч.

Она взмахнула ею пару раз, совсем неловко, словно неуверенная в ее прочности.

– Она невесомая, – сказала она. – И клинок слишком узкий. Он ни за что не пробьет броню, и один хороший удар мечом сразу его ломает. Она с презрением бросила рапиру обратно на кровать.

Хантер поднял ее.

– Начнем с того, что она не предназначена для боя с рыцарем в доспехе. Здесь никто не использует мечи с широкими клинками. В этом периоде времени все делается слегка по-иному. Можно сказать, что это более изысканное оружие.

Он несколько раз взмахнул рапирой, демонстрируя ей работу запястья, батман и рипост против воображаемого противника, и выпад.

– Она используется в основном для колющих ударов, но рубить тоже можно, – сказал Хантер. – Это называется фехтование.

Она нахмурилась.

- Почему вы называете это фехтованием, когда это бой на мечях?
- Потому что это не совсем бой на мечях.
- Но ведь рапира – это просто тонкий меч.
- Да, но у нее другие свойства и драться ею надо иначе.
- Это глупо. Эти одежды глупые. Это время глупое. Мне оно не нравится. Оно совсем не похоже на то, что ты мне рассказывал.
- Дай ему шанс, Андре. Ты находишься здесь всего один день.
- Не вижу причины, по которой нам нужно носить эти глупые одежды. По дороге мы встретили других людей, которые так не одеваются.
- То были крестьяне, – сказал Хантер. – А так одеваются те, кто относительно хорошо устроился в этом временном периоде. Нам придется остаться здесь на некоторое время, пока я не свяжусь со своим другом из подполья. Я тебе все это уже объяснял. Если мы собираемся путешествовать в то время, о котором я говорил, тебе понадобится имплант, и не просто любой имплантат, а такой, который невозможно отследить. Это единственный способ научиться тому, что в противном случае заняло бы у тебя всю жизнь. Тебе понадобятся эти знания, чтобы выжить. Это очень сложная процедура.
- Почему мы не можем отправиться за этим имплантом сразу в то время, откуда ты пришел?
- Потому что это будет слишком опасно. К тому же его надо будет хирургически имплантировать и...
- Его надо будет что?
- Имплантировать. Имплант должен быть имплантирован.
- Не понимаю. Я думала, что это такой инструмент.
- Это и есть инструмент.
- Тогда что означает «имплантировать»?
- Это действие. Ты должна имплантировать имплант.
- Как это может быть и инструментом, и действием одновременно? И что означает слово *хирургически*?
- Прямо сейчас это будет сложно объяснить. – Он слишком хорошо понимал, как ее интеллект XII века отреагирует на идею малой операции на мозге. – Важно то, что я должен связаться с определенным человеком, который обладает нужным навыком, позволяющим ему сделать это, и этот человек выбрал местом своего проживания Париж в этом периоде времени. Нам будет проще решить нашу проблему, если мы постараемся сойти за представителей определенного социального класса.
- Почему я не могу носить мужскую одежду? – сказала она. – Она определенно выглядит более удобной, чем это платье и абсурдное нижнее белье.
- Так и есть, – сказал Хантер, – дело в другом. Причина в том, что ты женщина, но у тебя никогда не было возможности научиться вести себя как женщина. Никогда не знаешь, когда такое знание сможет пригодиться.
- Я не вижу никакого преимущества в том, чтобы научиться флиртовать, притворяться и использовать свой пол для получения выгоды.
- Мне представляется, что быть женщиной не сводится к перечисленному, – сказал Хантер.
- Если это и так, что я этого не заметила.
- Что ж, даже если это не так, – сказал Хантер, – использование своего пола для получения выгоды, как ты выразилась, иногда действительно срабатывает, и я считаю, что нужно уметь пользоваться всем, что работает.
- Тогда какой смысл в использовании этой детской забавы с мечом?
- Детской забавы, да?

Хантер бросил ей рапиру, потом развернул свиток ткани, в котором оказалась запасная. Он бросил ткань и ножны на кровать.

– Ну давай поглядим, что это за детская забава, – сказал он. – Атакуй меня.

Она неловко махнула мечом. Хантер с легкостью парировал ее удары, используя флорентийский стиль – рапира в одной руке, кинжал – в другой. Блокировать ее грубые удары было просто. Оружие было ей незнакомо, и ей было с ним неудобно.

– Это не меч с широким клинком, – сказал Хантер. – Им нужно действовать быстро. Смотри.

На этот раз он перешел в атаку, и она удвоила свои усилия, следуя его подсказкам, но все еще неуклюже парируя удары. Еще через несколько секунд он ее обезоружил, нанеся легкий удар по ее запястью плоской стороной клинка после захвата ее меча, продемонстрировав, что будь этот удар рубящим, она не только бы выронила оружие, но и была бы ранена.

Она посмотрела вниз на пол, потом подняла рапиру, от которой он так легко ее избавил. Мгновение она молчала, рассматривая ее.

– Я недооценила это оружие, – сказала она. – С моей стороны это было глупо. Очевидно, есть умение, позволяющее использовать его правильно. Я научусь ему.

– Фехтованию невозможно научиться за ночь, – сказал Хантер. – Тебя нельзя назвать новичком, но...

– Нет, я совсем не новичок. Я жила мечом большую часть моей жизни, – сказала она. – Это клинок иного типа, но это все еще меч. Я быстро научусь. Научи меня.

– В этом нет особого смысла, – сказал Хантер.

– Почему?

– Потому что женщины в Париже не носят рапиры, – сказал он. – Иногда они носят кинжалы, но чаще всего они вооружены платочками и веерами.

Он улыбнулся.

– Вот уж реально мощное оружие, – сказала она с сарказмом.

– Все зависит от того, как им пользоваться. Ну, да ладно. Я научу тебя. Раз уж на то пошло, тебе не понадобится много времени. Ты уже дьявольски хорошо орудуешь мечом. Ты сильная и у тебя потрясающие рефлексы. Тебе просто недостает правильной техники. Думаю, значительно сложнее будет научить тебя пользоваться веером.

– Так. Ты намекаешь, что у тебя есть нужная квалификация, чтобы научить меня быть женщиной, так что ли? – сказала она.

– Только не я, – сказал Хантер. – В тебе уже столько женщины, что с тобой не сможет совладать ни один из известных мне мужиков. Задача состоит в том, чтобы мужчины об этом не догадывались. Это не должно быть слишком сложно. Большинство из нас не такие уж и умные, когда дело касается женщин.

– Но ты-то как раз один из самых умных, да?

– Нет, к сожалению, я один из глупых, – сказал Хантер. – Но, благодаря этому, я многому научился.

– Так и быть, – сказала Андре. – Я многим тебе обязана. Я научусь играть роль утонченной дамы, раз уж ты считаешь, что это может пригодиться.

– Просто зови меня профессором Хиггинсом.

– Что за профессор Хиггинс?

– Он был еще одним глупым мужчиной, – сказал Хантер. – Не обращай внимания. Для начала, давай-ка поработаем над твоей походкой. Ты можешь носить женскую одежду, но ты выступаешь как солдафон. Вот, возьми эту книгу...

3

Шарлотта Баксон, графиня де ла Фер, миледи де Винтер соблазнила больше мужчин, чем могла сосчитать. Никогда раньше ей не попадался мужчина, способный устоять перед ее чарами. И вот встретила. Человек по имени Тейлор был абсолютно невосприимчив.

– Не пытайтесь, миледи, – сказал он, когда она в первый раз попыталась его обаять. – У вас нет ничего из того, что мне нужно.

– Ты в этом полностью уверен? – сказала она, попытавшись зайти с другой стороны. Она вложила в свой голос нужное количество гортанной покорности. – В конце концов, я – твоя пленница. Твои люди захватили меня вопреки моей воле. Ты убил моего кучера и лакеев, привел меня сюда с завязанными глазами, значит, должно быть что-то, чего ты от меня хочешь. Думаю, это выкуп. Не сомневайся, тебе заплатят. Но меня волнует моя безопасность. Я полностью в твоей власти. Я сделаю все, что угодно, если получу гарантию, что эти испытания останутся позади. Она остановилась на секунду, чтобы встретиться с ним взглядом. – Все, что угодно, – сказала она мягким голосом.

Человек по имени Тейлор рассмеялся.

– Боюсь, вы транжирите ваше время, миледи. Я буду с вами откровенен. Меня не интересуют женщины. Это понятно?

– Ах. Боюсь, что да.

– Видите ли, тот, кто не разделяет мои сексуальные предпочтения, несомненно, был бы совсем безоружен перед вашим обаянием, поэтому именно я буду поддерживать контакт с вами во время вашего здесь пребывания. Тейлор улыбнулся. – Ваша репутация вас опережает, миледи. Мы прекрасно знаем, что вы собой представляете.

– Боюсь, вы знаете что-то такое, что мне неизвестно, сир, – сказала она, слегка напрягшись. – Не понимаю, что вы имеете в виду, говоря о моей репутации. Несомненно, вы слышали какие-то злонамеренные сплетни, распространяемые...

– Не скромничайте, – сказал Тейлор. – Вот что я имею в виду. Он быстро протянул руку и спустил платье с ее плеча. Резкое движение застало ее врасплох. Она мгновенно прикрыла плечо ладонью.

– Нем никакого смысла ее скрывать, – сказал Тейлор. – Если хотите знать мое мнение, это ваша лучшая черта. Клеймо блудницы. Флер-де-лиз. Я имею дело с такими женщинами всю мою жизнь. Вы шлюха, дорогая моя.

– Кто вы? – спросила она со злостью в голосе. – И что вам от меня надо?

– Ну же, всего лишь находиться в вашей компании, миледи. Ничего больше.

– Каким будет выкуп за мое безопасное возвращение? Сколько вы хотите, чтобы меня отпустить?

Тейлор поднял брови.

– Зачем же вы так, мы ничего за вас не потребуем, миледи. Мы всего лишь просим о привилегии развлекать вас какое-то время. Неделю, возможно, не больше.

– А потом?

– А потом вы нас больше не увидите, – сказал Тейлор.

Прошла неделя. Это была сумасшедшая неделя. Человек по имени Тейлор приходил к ежедневно. Он приносил еду и задерживался, чтобы с нею пообщаться. Они говорили о самых незначительных вещах – о погоде, о том, что модно при дворе, о ее любимых блюдах, о том, что ей нравится и что не нравится, о ее любовниках...

Казалось, Тейлор знал о ней почти столько же, сколько и она сама. Это ее пугало. Откуда он мог знать такие интимные подробности ее личной жизни? Откуда он мог знать, что она когда-то была монахиней и что она соблазнила священника Тамплемарского монастыря бене-

диктинок? Откуда он узнал о флер-де-лиз, которым заклеил ее лилльский палач? Кем был этот человек, который, казалось, знал ее почти так же хорошо, как она сама?

Она ничего не смогла из него выудить. Несколько раз он приходил с чуть более старшим мужчиной, еще одним незнакомцем. Этот человек странно смотрел на нее, а потом подходил к ней ближе. Он пристально ее изучал. Иногда он трогал ее лицо, проводил пальцами по челюстной кости, касался носа, уголков глаз и губ. Однажды, когда он это делал, она нежно поцеловала его палец, слегка облизнув его языком. После этого его руки слегка дрожали.

– Думаете, у вас получится, доктор? – спросил Тейлор во время одного из таких посещений.

– Я... я могу это сделать.

– Вы уж пожалуйста будьте уверены.

– Я не подведу тебя, Эдриан.

– Дело не только во мне, док. Вы же понимаете, что за этим стоит.

– Конечно понимаю, – сказал тот, кого называли доком. – Слишком хорошо понимаю.

В его голосе послышался испуг.

Они не поняла смысла ни одной из этих фраз. Но она знала, что рано или поздно, они должны будут с нею объясниться. Она дождетя своего часа.

Через неделю и два дня к ней пожаловал еще один визитер. На этот раз – женщина. Дверь в ее комнату открылась, и в нее вошел мужчина, которого называли док, а также дама и еще двое мужчин. Дама прятала лицо за веером. Миледи была уверена, что сейчас она узнает причину своего похищения и цель всей этой интриги. Она встала и окинула своих тюремщиков надменным взглядом.

– Что ж, – сказала она. – Похоже, я наконец-то...

Слова застряли у нее в глотке, когда дама опустила веер и открыла лицо. Это было собственное лицо графини. Миледи уставилась на свое живое отражение, лишившись от увиденного дара речи.

– Вот видите, – произнесла женщина собственным голосом миледи, – я же говорила, что мы подержим вас здесь только неделю или около того.

Миледи попятилась от женщины, которая во всех отношениях была ее близнецом. У нее было ее лицо, ее голос, ее манеры...

– Кто... *Кто вы?* – прошептала она.

Ее двойник рассмеялась, и это был в точности ее смех. После чего заговорила совершенно другим голосом. Голосом, который стал для миледи таким привычным. – Ну что же вы, миледи, неужели вы меня не узнали?

– *Тейлор!* Во имя господи, как это возможно? Как...

– Почему бы тебе не спросить его самого при встрече? – сказал Тейлор. Он направил на нее изящный, похожий на трубку, инструмент. Из него ударил тонкий, толщиной в карандаш, луч света, и Тейлор сделал быстрое движение кистью.

Отсеченная лазером голова миледи упала на пол и гротескно закатилась в угол комнаты.

Человек, которого все называли доком, отвернул голову и издал хныкающий звук.

– Господи, Тейлор!

В поисках опоры он прислонился к дверному косяку.

– Что так, док, стошнило?

– Тебе не обязательно было ее убивать, – сказал тот дрожащим голосом.

– Ой, действительно. В этой игре очень высокие ставки, мой друг. Мы не можем допустить, чтобы у нас разгуливали две миледи де Винтер, не так ли? К тому же, я оказал ей услугу. Избавил от топора палача.

– Отрубив ей голову собственноручно, – сказал док. – Ты не предупредил меня, что собираешься ее убить.

– Она поступила бы так же со мной, док, или с тобой, или с любым из нас. Она была очень мерзкой дамой. К тому же, если у тебя есть желание успокоить свою совесть, подумай обо всех тех жизнях, что будут спасены, когда мы остановим войны во времени.

– Я согласен, что войны во времени должны быть остановлены, – сказал док, – но я не верю в то, что твоя цель оправдывает твои средства.

– Ты пошел на это, прекрасно понимая что к чему, док, – сказал Тейлор. – Сейчас уже слишком поздно что-то менять, как ты считаешь?

– Боюсь, что так. Он глубоко вздохнул, стараясь не смотреть на обезглавленное тело на полу. – Что ж, я сделал все, что ты просил. Я тебе больше не нужен. Я могу идти, или меня ждет та же участь, что и ее?

– Ну, зачем же так, док, – сказал Тейлор, нежно проведя рукой по щеке мужчины, – почему ты говоришь такие вещи? Его голос был идеальной имитацией голоса де Винтер. Док отшатнулся в сторону.

– Пусть идет, – сказал Тейлор.

Мужчину вывели из комнаты.

– Думаешь, с ним могут быть проблемы? – спросил оставшийся.

– Сомневаюсь, – произнес Тейлор. – Его хроноплата у нас. Как он сможет нам навредить? Хотя, я думаю, что будет нелишним держать его под присмотром. Он подошел к зеркалу в комнате и исследовал свое отражение. И улыбнулся улыбкой де Винтер. – Он проделал чертовски хорошую работу, что скажешь? Поразительно, на что способна маленькая косметическая хирургия. Черт, ты только взгляни на меня. Я прекрасна.

Другой мужчина неловко прокашлялся.

Тейлор улыбнулся.

– Начинаешь ощущать, да? Что ты об этом думаешь, Джимми? Ришелье заметит разницу?

Тейлор откинул голову и рассмеялся поразительно женским смехом.

Джимми вышел из комнаты.

Инструкция предписывала им отправиться в таверну в Менге, а оттуда – в Париж. Где-то по дороге с ними должен связаться агент с оперативным псевдонимом «Мангуст».

– У них у всех названия животных вместо кличек? – спросил Финн у Дарроу.

– Да, а почему интересуешься?

– Да просто стало любопытно, есть ли у вас агенты Осел или там Бабуин, знаешь ли. А вдруг.

Дарроу не оценил чувство юмора Финна.

– Что ты против них всех имеешь? – спросил Лукас, когда они ехали шагом на лошадях по дороге в Менг.

– Хитрые они, – ответил Финн. – Не люблю хитрых. Они всегда крадутся, как ласки, – кстати, а нет ли среди них агента Ласка? – и они абсолютно не заслуживают доверия. Я предпочитаю работать с теми, на кого могу положиться. Я бы ни на секунду не повернулся бы спиной к агенту АВР.

– Ты ведь не думаешь, что нам есть о чем беспокоиться? – спросил Лукас.

– Кто его знает, парень. Кто знает, что на самом деле представляет это задание? Они утверждают, что это Хранители времени, но это могут быть Дочери американской революции, насколько я знаю. Они даже друг другу всего не рассказывают.

Они говорили по-французски так же естественно, как и по-английски, благодаря программированию их имплантов. Любой увидевший их на дороге принял бы их именно за тех, за кого они себя выдавали, – за кавалеров, наемников и товарищей по оружию. Обычно рыжие волосы Финна приобрели золотистый оттенок, шевелюра Лукаса была каштановой. У обоих

мужчин волосы спускались до плеч в стиле щеголей того времени. Лукас носил нафабранные усы, Финн – усы и бородку клинышком в стиле, который позже назовут Ван-Дейк. На обоих были высокие сапоги и кожаные перевязи, оба были вооружены рапирами и кинжалами. Их одежда не говорила о состоятельности или следованию моде. Плащи были коричневого цвета и изрядно поношенные. Камзол Финна был желтым, Лукаса – коричневым. На них не было видно никаких кружев, оба были подпоясаны поясами из зеленого шелка, а их белые рубашки требовали стирки. Их шляпы были с плюмажами, но эти перья видели дни и получше.

– Ненавижу всю эту хрень с плащами и кинжалами, – сказал Финн, и тут же улыбнулся мысли о том, что у них обоих на самом деле были настоящие плащи и кинжалы. – Мне не нравится то, что мы даже не знаем, как должен выглядеть наш контакт. Я даже не знаю, что нам делать.

– У меня сложилось впечатление, что нас привлекли в качестве группы поддержки парней из АВР, – сказал Лукас. – Посмотрим, все может оказаться не так уж и плохо. Может, мы им вообще не понадобятся. И это задание может превратиться в отпуск в минусовом времени.

– Но ты же не захочешь поставить на это небольшую ставку, так ведь? – сказал Финн.

– На самом деле, нет. Нафиг.

– Я так не думаю.

– А как тебе эта идея, что кто-то из подполья поддержит этих Хранителей времени? – сказал Лукас.

– Ну, я даже не знаю. А ты что, подумал о Хантере?

– Как ты догадался?

– Это было несложно.

– Почему-то я не могу этого представить. Чтобы кто-то вроде Хантера встал на сторону подобного безумия. Никто лучше не понимает потенциальную опасность разделения, чем солдат, даже дезертир. Зачем кому-то, кто ударился во все тяжкие, чтобы дезертировать и украсть хроноплату, отдаваться в распоряжение кучки террористов? В этом просто нет никакого смысла. Что у них может быть такого, что окажется ему нужным?

– У них может не оказаться ничего, чего хотел бы Хантер, – сказал Финн, – но не все дезертиры такие, как Хантер. Подумай обо всех вещах, которые привели бы человека к дезертирству. Этот персонаж, вероятно, кто-то, кто больше не в состоянии терпеть, или какой-нибудь разочарованный человек, который не смог найти себя в плюсовом времени. А может, это какой-нибудь фанатик, который пошел в армию, чтобы вредить ей изнутри, кто знает? Кем бы он ни был, он должен быть таким же сумасшедшим, как и Хранители времени. Никто в здравом уме не станет устраивать разделение.

– Не могу поверить, что кто-то пойдет так далеко, – сказал Лукас.

– Дарроу может быть прав на этот счет, – сказал Финн. – Они могут надеяться, что им не придется, но если их прижмут, если их блеф будет раскрыт, то у них не останется выбора. Никто не знает, к чему приведет разделение. Может, они думают, что именно это нужно, чтобы машина войны встала колом. Может быть, и так. Но я бы предпочел так и не узнать, во что выльется разделение. Даже его исследования привели Менсингера на грань нервного срыва. И вообще вся эта миссия начинает действовать мне на нервы.

Они добрались до трактира в Менге, так ни с кем и не встретившись. Они сняли комнату и заказали обед. С дороги вино показалось терпимым и приятным на вкус. Хозяин трактира, несмотря на то, что поначалу его несколько насторожил их утомленный и грубоватый вид, сразу подобрел, когда разглядел перспективу обслуживания двух клиентов, которые заплатили, как только им накрыли стол. Его столько раз обманывали галантные кавалеры, что он запорхал над Финном и Лукасом, словно курица-наседка, постоянно заботясь об их удовлетворении и выбегая из кухни взглянуть, нравится ли им еда. Финн доедал второго жареного цыпленка, а Лукас наслаждался превосходным бордо – лучшим вином трактирщика, когда в заведение

вошел молодой человек, с головы до ног покрытый пылью. Закрыв за собой дверь, он принялся хлопать руками по одежде, и в считанные секунды почти полностью скрылся в облаке пыли.

– Еще вина, месье? – спросил трактирщик, принеся очередную бутылку к их столу.

– С удовольствием, – сказал Финн. – И налей бокал молодому Лохинвару, судя по его виду, ему не помешало бы освежиться.

При этих словах юноша поднял голову и посмотрел на него. Он едва вышел из юного возраста, на вид ему было лет восемнадцать. У него была густая копна взъерошенных светлых волос, а его одежда выглядела словно с чужого плеча.

– Прошу прощения, сир, – сказал он, – вы говорили обо мне?

– А ты видишь здесь еще кого-нибудь кроме нас? – сказал Финн, улыбаясь.

– Боюсь, вы приняли меня за кого-то другого, – сказал молодой человек. – Меня зовут не Лохинвар.

Финн хихикнул.

– Это просто была фигура речи, парень. Лохинваром звали героя сказки, которую я когда-то слышал.

Молодой человек нахмурился.

– Вы хотите надо мной посмеяться, сир?

– Не ерощь перья, сынок, – сказал Финн. – Я всего лишь предлагаю тебе выпить. Похоже, тебе не помешает немного освежиться.

– И что, позвольте спросить, в моем облике такого, что заставило вас поверить, что я нуждаюсь в подачке? – сказал молодой человек.

– Слушай, давай попробуем еще раз, – сказал Финн. – Мы с моим товарищем сами проделали долгий путь. И тут появился ты, весь в грязи и пыли, и я подумал...

Молодой человек напрягся.

– Быть может, моя одежда не столь изысканна, как ваша, месье, но, тем не менее, господину с хорошими манерами не стоило бы отпускать замечания по этому поводу.

– Оставь его в покое, Финн, – сказал Лукас.

– Забудь об этом, парень, – сказал Финн. – Купи себе чертово вино сам.

Он вернулся к поеданию своего цыпленка, покачав головой в знак смирения.

– Пытаюсь вести себя хорошо, – сказал он Лукасу.

– Месье, – произнес молодой человек.

– Да, что на этот раз?

– Я не привык к тому, чтобы меня отшивали настолько бесцеремонно.

Финн сдвинул брови.

– Прошу прощения, – сказал он. – Не знал, что отшиваю знатока церемоний.

Финн... – сказал Лукас.

Хозяин трактира отошел от стола.

– Тогда мне придется разъяснить, с кем вы имеете дело, месье. Д'Артаньян ни от кого не потерпит неуважения. Он выхватил рапиру. – 'Guarde, месье!

– О, боже, – сказал Финн.

Хозяин трактира нырнул под стол.

– Месье Д'Артаньян, – начал Лукас, – позвольте мне все...

– Я сейчас с вами разберусь, сир, – сказал Д'Артаньян, – после того, как закончу с вашим несдержанным другом. Если вы только не пожелаете увеличить его шансы против меня. Меня не пугает вариант скрестить меч с вами обоими сразу. Он пару раз махнул рапирой.

– Убери эту штуку, – сказал Финн. – Она почти такая же большая, как ты сам.

– Тем не менее, ее размер не помешает мне ею воспользоваться, – сказал Д'Артаньян. – А теперь, 'garde!

– Ох, присядь, – сказал Финн.

– Вы встанете, месье, и достанете свой меч.

– Я останусь сидеть, мой друг, и доем свой обед. Советую тебе сделать то же самое.

Меч Д'Артаньяна вонзился в курицу Финна и поднял ее из тарелки. Взмах запястья, и курица улетела в угол комнаты.

– Похоже, вы завершили ваш обед, месье.

– Это уже слишком, – сказал Финн. – Пора отобрать у тебя этот свинорез и хорошенько тебя им отшлепать.

Он начал вставать.

Лукас взял его за руку.

– Финн, сядь. Не будь идиотом.

Дилейни встал.

– Послушай, – сказал он Д'Артаньяну, – давай все забудем. Я готов закрыть глаза на цыпленка, но...

– Но я не намерен оставить без внимания ваши оскорбления, сир, – сказал Д'Артаньян.

– *Какие* оскорбления?

– Ваш меч, месье!

– Нет.

– Вы отказываетесь достать ваш меч?

– Все верно, я отказываюсь.

– Тогда вы – презренный трус и не джентльмен!

– Послушай сюда, ты...

– Финн... – сказал Лукас.

Дилейни сделал глубокий вдох.

– Хо... хорошо. Я презренный трус и не джентльмен. Ты удовлетворен?

Д'Артаньян выглядел разочарованным.

– Что ж, в таком случае я требую извинения.

– За что?

– Финн, ради всего святого, извинись и покончим с этим, – сказал Лукас.

– Может ты мне еще скажешь, за что именно я должен извиниться?

– Это не важно, просто извинись, если это его осчастливит.

– Сир, я не унижусь до подобного, – сказал Д'Артаньян.

– Просто не вмешивайтесь, – сказал Лукас. – Финн, скажи, что ты сожалеешь, ладно?

– Хорошо, я сожалею. Я приношу свои извинения.

– Мне кажется, что вы неискренни в своем извинении, – сказал Д'Артаньян.

– Пожалуйста, примите его извинения, месье, – сказал Лукас. – Это не только покончит со всем этим делом, но и чудесным образом поможет моему пищеварению.

– Я ничего не понимаю, – сказал Д'Артаньян. – Ваш друг явно не хочет извиняться, но извиняется. И хотя он не искренен в своих извинениях, он поступает так, как вы хотите, чтобы избавить себя от дуэли со мною. Похоже, я так и не смогу получить удовлетворение. Вы ставите меня в самое невыгодное положение, месье.

– Я только хочу избежать ненужного кровопролития, – сказал Лукас. – Все это было чистым недоразумением. Никто никого не хотел оскорбить.

– И все же оскорбление было нанесено. И я не могу напасть на человека, который не собирается доставать свою рапиру. Это было бы недостойно и бесчестно. И все же честь должна быть удовлетворена.

Хозяин трактира выглянул из-под стола.

– Будет ли честь удовлетворена, если мы подеремся на кулаках? – спросил Финн.

– Это будет очень необычно, – сказал Д'Артаньян, – но я не представляю иного выхода из этого затруднительного положения.

– Тогда договорились, – сказал Финн. – Устроим дуэль на кулаках.

– По рукам, – сказал Д'Артаньян.

Он начал снимать свою перевязь, когда Финн вломил ему прямо между глаз.

Удар отбросил его на несколько футов, и он основательно шмякнулся на пол. Хозяин трактира нырнул обратно под стол. Д'Артаньян покачал головой, оглушенный.

– Для такого маленького наглеца он очень неплохо держит удар, – сказал Финн. – Я так укладывал парней раза в два больше него.

– Это было совсем неспортивно с вашей стороны, сир, – сказал Д'Артаньян, поднимаясь на ноги.

– Драка – не спорт, сынок, – сказал Финн. – По крайней мере, там, откуда я родом. Ты либо побеждаешь, либо сливаешь, и я предпочитаю первое.

– Да, очевидно, что вы не джентльмен, – сказал Д'Артаньян. – В Гаскони мы не бьем человека, который смотрит в другую сторону.

– Что ж, я смотрю на тебя, – сказал Финн. – Можешь бить меня со всей дури.

– Приготовься, мой друг. Хотя ты и в два раза больше меня, я собираюсь научить тебя манерам.

– Так и будешь болтать или начнешь драться? – сказал Финн.

Лукас закатил глаза.

– Знаешь, а ведь Форрестер был прав, – сказал он. – Ты *не вышел* из десятилетнего возраста.

Д'Артаньян сделал мощный замах. Финн легко поднырнул под его руку и выдал ему солидный апперкот в челюсть. Д'Артаньян снова упал.

– Ну, вот и все закончилось, – сказал Финн.

Д'Артаньян начал вставать. Его рот был в крови.

– Я думал, ты сказал, что все закончилось, – сказал Лукас.

– Вот упрямый ублюдок, да? – сказал Финн.

Д'Артаньян опять на него набросился. Финн блокировал его панч и угостил кроссом справа. Д'Артаньян опять отправился на пол.

– Это должно удовлетворить его честь, – сказал Финн.

Д'Артаньян медленно встал на ноги.

– Похоже, ты теряешь хватку, – сказал Лукас. – Он продолжает подниматься.

– Мы это исправим, – сказал Финн.

Д'Артаньян снова замахнулся, только на этот раз удар был ложным, и он застал Финна врасплох. В результате Финн поймал хук левой и свалился на стол.

– Ты отлично все исправил, – сказал Лукас.

– Ладно, побаловались, и хватит, – сказал Финн.

Когда Д'Артаньян пошел на него в очередной раз, Финн применил карате. Он встретил его прямым ударом ногой в грудь, а затем уложил его молниеносным боковым и ударом с разворота в висок, выполненным той же ногой.

– Это было не вполне честно, – заметил Лукас.

– К чертям честность. У этого парня конституция быка. Он сел и налил себе бокал вина. – И бьет хорошо.

Он потер челюсть.

Лукас похлопал его по плечу и показал пальцем. Д'Артаньян снова вставал.

– Вроде мы договаривались драться на кулаках, а не ногами, – сказал он. Его слова были неразборчивы, и он нетвердо стоял на ногах.

– И он прав, – сказал Лукас.

Хозяин трактира отважился вылезти из-под стола и теперь с интересом наблюдал за происходящим.

Финн встал.

– Не стесняйся использовать все, что пригодится, – сказал он и поднял кулаки.

Д'Артаньян, двигаясь быстрее, чем можно было от него ожидать, ударил Финна стулом. Стул разлетелся, а Финн упал на пол без сознания.

– Отлично пригодилось, – сказал Д'Артаньян. Он повернулся к Лукасу. – Теперь, месье, ваша очередь.

Лукас поднял руки.

– Только не я. Мы с вами не ссорились, месье. Если честь была удовлетворена, позвольте ли вы мне разделить с вами наше вино, пока мой друг получил столь заслуженный отдых?

Д'Артаньян быстро обдумал приглашение.

– Честь удовлетворена, – сказал он, – хотя я не думаю, что это было тем, что имел в виду мой отец, когда советовал мне драться на дуэлях. К тому же, мне и самому не помешает отдохнуть. Ваш друг обладает силой десятерых.

Он сел за стол Лукаса.

Лукас налил ему бокал вина, который тот быстро выпил.

– Может, Финн и обладает силой десятерых, – сказал он, – но, как я вижу, на полу лежит он, а не вы. Позвольте мне вас поздравить. Я впервые в жизни увидел, как он проиграл бой.

– Финн? Что это за имя?

– Ирландское, – сказал Лукас.

– Ага. И вы тоже ирландец?

– Нет, я гасконец.

– Надо же! Мы земляки! Я тоже гасконец! Возможно, вы слышали о моем отце? Он был известным солдатом.

– Я действительно о нем слышан, – сказал Лукас. – Именно поэтому я отговаривал моего друга скрестить с вами шпаги. Мы через многое прошли, и я не хотел бы, чтобы мой друг пал от руки сына знаменитого Д'Артаньяна. Если вы хотя бы вполовину столь же хороши, как ваш отец, то у моего друга не было бы шансов. И, в конце концов, это ведь было всего лишь недоразумение.

– Ну, по правде говоря, я пытался спровоцировать дуэль, – сказал Д'Артаньян, несколько смутившись.

– Потому что следовали совету отца.

– Точно. Он сказал, что необходимо драться на дуэлях, чтобы завоевать уважение и репутацию. Приношу вам свои извинения, месье. Мне бы не хотелось лишиться соотечественника-гасконца его друга.

– Понимаю, – сказал Лукас. – В конце концов, к наставлениям отца должно прислушиваться.

– Как ваше имя, месье, могу я узнать, с кем имею честь общаться?

Лукас быстро пораскинул мозгами. Прист было английским именем, а Англия была врагом Франции.

– Дюма, – сказал он. – Александр Дюма.

– Рад с вами познакомиться, месье Дюма. Надеюсь, ваш друг не затаит на меня обиды, когда придет в сознание.

Финн застонал. И попытался медленно сесть. Трактирщик принес ему миску с водой и кусок влажной ткани. Д'Артаньян подошел и помог ему встать на ноги.

– Надеюсь, вы не ранены, сир, и что между нами не осталось неприязни. Месье Дюма все мне объяснил, и я вижу, что это все-таки было недоразумение.

– Кто? – спросил Финн.

– Он все еще не отошел, – сказал Лукас. – Наверняка ты помнишь меня, мой друг... Александра Дюма? Надеюсь, этот удар не отшиб тебе память. Оказалось, что мы с месье Д'Артаньяном земляки. Оба из Гаскони.

– Ты... Как, ты сказал, твое имя?

– Дюма.

– Я так и думал, что ты это сказал. Я просто не был уверен, что расслышал.

– Боюсь, я причинил вред его здоровью, – сказал Д'Артаньян с искренней обеспокоенностью.

– О, нет, с ним все будет в порядке, – заверил Лукас. – У ирландцев крепкие головы.

Пока Д'Артаньян помогал Дилейни встать на ноги, дверь в гостиницу отворилась, и в нее вошла толпа заливающихся громким смехом людей.

– Ты когда-нибудь видел такое животное в своей жизни? – спросил один из них, высокий, темноволосый кавалер со шрамом на щеке. – Оранжевая лошадь! Подходящий скакун для тыквы!

Д'Артаньян внезапно выпрямился, и лишенный поддержки Финн снова соскользнул на пол.

– Простите меня, – сказал Д'Артаньян, помогая Дилейни снова подняться. – Думаю, этот человек смеется над моей лошастью.

– Кто смеется над лошастью, тот смеется над ее хозяином, – сказал Лукас, вспомнив, что именно в этой таверне Д'Артаньян впервые повстречал графа де Рошфора, и что человеком, только что вошедшим с группой охранников, не мог быть никто другой.

– Вы так считаете? – сказал Д'Артаньян.

– Разве вы со мной не согласны?

– Возможно, – сказал Д'Артаньян. – Но мне бы не хотелось получить еще одно недоразумение. Без сомнения, человек сказал это просто так.

– Как это «просто так»? – спросил Лукас. – Ясно же, что он посмеялся над вами.

– Действительно? Что ж, возможно, вы правы. И все же не стоит торопиться. Посмотрите, мы сидим здесь как друзья, а еще минуту назад я был готов скрестить с вами шпаги.

– Это было совсем другое дело, – сказал Лукас. – Этот человек проявил наглость и должен быть наказан.

– Возможно, вы правы, – сказал Д'Артаньян. – И все же, мне бы не хотелось сделать поспешный вывод. Да и моя лошадь, боюсь, выглядит немного забавно.

– Что ж, я не собираюсь сидеть здесь и видеть, как моего соотечественника оскорбляют, – сказал Лукас. – Вы, сир! Вы, со шрамом.

Де Рошфор посмотрел на него.

– Да, именно вы! Над чем вы смеетесь?

– Не понимаю, почему это должно вас волновать, месье, – сказал де Рошфор.

– Тем не менее, меня это волнует, – сказал Лукас, поднимаясь. – Я слышал, что вы сказали!

– Я разговаривал не с вами, месье.

– Зато я разговариваю с *вами*! И мне не нравится ваш смех.

– Я редко смеюсь, сир, – сказал де Рошфор, – и сохраняю за собой привилегию смеяться, когда мне заблагорассудится.

– Ну а я, месье, не позволю ни одному человеку смеяться, когда мне это не нравится, – сказал Лукас. – Я также не потерплю, когда моих друзей делают объектами для насмешек!

– Пожалуйста, Дюма, – сказал Д'Артаньян, – нет нужды заступаться за меня, это мое дело.

– Что ж, когда вы, господа, уладите это между собой, возможно, вы просветите меня, в чем именно заключается это дело, – сказал де Рошфор.

– Привязанная снаружи лошадь, над которой вы посмеялись, принадлежит мне, – сказал Д'Артаньян. – И мне не нравится, когда меня называют тыквой!

– Меня не волнует, что вам не нравится, месье, – сказал де Рошфор. – Моя голова занята более важными вопросами, и вы уже достаточно меня отвлекли.

– Боюсь, что я окажусь не просто отвлекающим элементом, месье, – сказал Д'Артаньян. Он достал рапиру.

– Ты, должно быть, сумасшедший, – сказал де Рошфор, отворачиваясь.

– Повернитесь, сир! Повернитесь или я вас убью!

– Он достал, – сказал де Рошфор своим людям. – Сделайте уже что-нибудь с этим наглым мальчишкой.

– Наглый мальчишка, да? – сказал Д'Артаньян, продвигаясь вперед. Он протолкнулся мимо одного из охранников и потянулся к плечу де Рошфора. – Я не закончил с вами, месье! Я...

Охранник, которого он оттолкнул, поднял стул и с размаху приложил его о затылок Д'Артаньяна. Гасконец рухнул на пол. Хозяин трактира застонал при виде потери второго стула за один вечер.

Охранник повернулся лицом к Лукасу и Дилейни. Положив руку на эфес своего меча, он подошел к ним с воинственным видом.

– Надеюсь, вам, джентльмены, нечего добавить, не так ли? – сказал он и сразу же, не переводя дыхания, прошептал: «Мангуст».

Брови Финна поднялись.

– Нет, нам нечего добавить, – сказал он. – На самом деле, мы едва ли знаем этого парня.

– Мне кажется, ваш товарищ слишком много выпил, – сказал охранник, указывая на Лукаса. – Я настоятельно рекомендую вам отправиться восвояси, пока его пьянство не доставило вам еще больше неприятностей.

– Конечно, месье, – сказал Финн. – Меньше всего нам нужны неприятности.

– Тогда двигайте, – сказал агент и быстро добавил шепотом, – таверна Моро на улице Феру. Скажете, что вы от Лего. Он возвысил голос. – А теперь выматывайтесь. Сейчас же! И побыстрее!

4

Что-то пошло не так.

Никто не видел Жака Бенуа уже несколько дней. Будь это кто-либо другой, это не было бы столь заметно, но доктор Жак был хорошо известен как человек с устоявшимися привычками. Хантер пытался его вычислить целую неделю, но бывшего армейского хирурга Джека Беннета, известного своим парижским друзьям под именем Жака Бенуа, нигде не было.

Не было его и дома на Rue Saint-Honoré. Его слугам, Мари и Старому Пьеру, пришлось объясняться с его пациентами, так как они не знали, куда ушел доктор Жак и когда он вернется. Это дало им повод для серьезного беспокойства, ведь хозяин никогда не уходил из дому, не поставив их в известность о своих планах.

В таверне Моро на Rue Férou, где доктор Жак имел обыкновение пропустить по вечерам бутылку вина и сыграть партию-другую в шахматы, его не видели больше недели. Это расстраивало Моро, ведь Бенуа стал для таверны чем-то вроде местной достопримечательности. Это было связано с тем, как он играл в шахматы. Он садился спиной к доске за соседний столик и вел непринужденную беседу с зеваками. Соперник объявлял свой ход, а затем Бенуа, не глядя на доску, говорил «Конь берет королевского слона» или что-то в этом роде. Он все еще не проиграл ни одной партии. Эти непринужденные, товарищеские матчи привлекали клиентов, и эти клиенты часто делали ставку на исход – по крайней мере, делали ставки те, кто раньше не видел, как играл Бенуа.

Моро знал Хантера как месье Лапорта из Реймса, старинного друга Жака Бенуа. Насколько Моро знал, месье Лапорт был джентльменом, человеком, который любил тихую жизнь и который не часто приезжал в Париж, но когда он это делал, то обязательно навещал своего старого друга и заходил повидаться с Моро.

– Это совсем не похоже на доктора Жака, – говорил Моро, наливая себе и Хантеру красного вина. – Он никогда никуда не уходит, не сказав об этом Мари и Старому Пьеру. Он всегда был внимателен к своим друзьям и особенно к своим пациентам.

– Он ничего не сказал, когда вы видели его в последний раз? – спросил Хантер. – Он не говорил, что собирается в деревню отдохнуть?

Всякий раз, когда Джек Беннет совершал поездку в плюсовое время, он всегда говорил, что «едет в деревню». Члены подполья, которые поддерживали связь друг с другом, использовали различные кодовые фразы для передачи сообщений.

– Он вообще ничего не сказал?

– Нет, месье, – сказал Моро. – Если бы он что-нибудь сказал, я бы точно запомнил.

– Надеюсь, с ним все в порядке, – сказал Хантер. – В Париже иногда может быть опасно, особенно в эти дни.

– Кому пришло бы в голову обидеть доктора Жака? – сказал Моро. Он покачал головой. – У него нет врагов в Париже. Конечно, у него есть свои странности, но кто может оспорить его результаты? Лично я никогда не понимал, почему он, например, не одобряет кровопускания. Настаивает, что оно приносит больше вреда, чем пользы. Зато он помог многим местным, даже тем, у кого не было денег, чтобы ему заплатить. Он может попросить о небольшой услуге или, как в случае с больным отцом Марсея, взять в оплату курицу-другую, но... нет, я не могу представить никого, кто желал бы ему зла. Он сама душа сострадания. Его все любят и уважают.

– Тогда что с ним могло случиться? – сказал Хантер.

Моро пожал плечами.

– Возможно, у него были какие-то дела с его друзьями из Фландрии.

Хантер нахмурился.

– Друзьями из Фландрии?

– Да, их было пятеро, – сказал Моро. – Они были с ним, когда он в последний раз к нам заглядывал. Да и в предыдущий раз тоже.

– Можешь что-нибудь о них рассказать? – сказал Хантер. – Это может быть важно.

– На меня они произвели нехорошее впечатление, – сказал Моро. Он опять пожал плечами. – Хотя, у доктора Жака есть друзья из всех слоев общества, так ведь? Но эти мне не понравились. Совершенно не понравились. Они все замолкали, когда я подходил к их столу, словно боялись, что я подслушаю их разговор.

– Как они выглядели? Может, я их знаю.

– Все они были крупными мужчинами, – сказал Моро. – Все, за исключением одного, который был очень худым и стройным. Примерно вот такого роста, – сказал Моро, приставив ладонь к своей груди. – Трое были темными, грубого вида. Один был лысым. Его я запомнил очень хорошо. Этот был быком, настоящим гигантом. Они особо не разговаривали, по крайней мере, не со мною, но они не были французами, в этом я уверен.

– Они не знали языка, – сказал Хантер.

– Напротив, они отлично знали язык, – сказал Моро, – но научились ему где-то в других краях. Они говорили с акцентом, но я так и не понял, с каким.

– А что пятый? – сказал Хантер. – Который худой.

– А, этот. Поначалу я принял его за девушку. Моро хмыкнул. – Было немного неловко. Я назвал его «мадемуазель», что привело остальных в изумление, и только потом я увидел, что это мужчина. Очень молодой мужчина, почти еще мальчик. Некоторые юноши в этом возрасте, ну...

– Да, я понимаю, – сказал Хантер. – И некоторые молодые девушки иногда выглядят как мальчики, особенно если не носят платье.

– Совершенно верно, – сказал Моро с видимым облегчением. – И все же, этот... у него были достаточно длинные волосы, значительно длиннее, чем сейчас модно. И они были словно из золотых нитей, месье. Очень необычные. Его французский, кстати, был безупречен. Этот был настоящим джентльменом. Я слышал, как доктор Жак называл его Эдрианом, – Моро понизил голос. – Английское имя, да?

– Возможно, – сказал Хантер. – Не знаю никого с таким именем. Все это звучит очень загадочно, Моро.

Моро оглянулся по сторонам, затем наклонился ближе к Хантеру.

– Скажите мне, месье, – сказал он, – Доктор Жак... Я никогда не замечал, чтобы... то есть, не было ли у него... политических симпатий?

– Не знаю, – сказал Хантер. – А почему вы так думаете?

Моро опять пожал плечами.

– Занимаясь нашим бизнесом, поневоле кое-что узнаешь, месье. В конце концов, согласитесь, все это выглядит странно. Пятеро незнакомцев, четверо из которых явно не французы, а у пятого – английское имя, все перешептываются низкими голосами в углу...

– Я вас понимаю, – сказал Хантер. – Но политическая интрига? Это не похоже на Жака Бенуа, которого я знаю.

– Никогда нельзя быть уверенным наверняка, месье, – сказал Моро. – Похоже, интриги стали очень модными в наши дни. Мне бы не хотелось узнать, что доктор Жак попал в какие-то неприятности.

– Как и мне, Моро. Как и мне. Слушай, если увидишь его раньше меня, передай, что я остановился в «Люксембурге». Попроси его навестить меня по достаточно важному делу.

– Обязательно, месье Лапорт. И если вы увидите его первым, скажите ему, что у него есть друзья, которые его поддержат, хорошо? Если будут неприятности, скажите ему зайти к старому Моро.

Хантер взглянул на Моро и улыбнулся. Лицо этого дородного француза было словно обтянуто пергаментом, а его широкие плечи намекали на то, что его прежний род деятельности требовал изрядных физических усилий. В случае возникновения неприятностей Джеку будет нелишним иметь рядом кого-то вроде Моро.

– Я передам, – сказал Хантер.

Он вышел из таверны глубоко обеспокоенным. Что-то определенно пошло не так. Джек Беннет исчез, не оставив никакого сообщения. С Джеком подобное просто не могло произойти, если только те люди не имели к этому отношения, и у него не было времени оставить послание. По словам Моро эти люди были с Джеком, по крайней мере, неделю, и они не знали о сигналах, которые Хантер и Джек использовали для передачи сообщений. Джек должен был сообщить, если произошло что-то необычное. Но не сообщил.

Эти «друзья из Фландрии» насторожили Хантера. У Джека не было друзей во Фландрии, о которых он знал. Благодаря Моро, у него было их описание. Крупные. Прекрасно говорят по-французски, но с таким акцентом, который Моро, бывший моряк, не смог распознать. Возможно, потому что акцент был неизвестен в этом времени.

– Где же ты, док? – пробормотал Хантер. – Во что ты вляпался?

Он был так погружен в свои мысли, что не заметил слежку.

Андре понимала, что очень многим обязана Хантеру, но ведь есть предел любым обязательствам. Она обещала Хантеру, что научится вести себя как дама, но никогда не обещала ему играть эту роль постоянно. Она также не обещала ему, как он сказал, «не высовываться» из их апартаментов.

Он привел ее в другое время, в другой мир, и ожидал, что она будет торчать в гостинице, если не будет сказано иначе. Да, она была ему очень обязана, но она не обязана слепо и беспрекословно ему повиноваться. У него появилась тенденция ей приказывать, а ей это не нравилось. Она понимала, что он это делал для ее же защиты, потому что он знал много об этом времени, тогда как она почти ничего не знала, потому что он был в родной стихии, а она была в чуждой среде. Тем не менее, это не облегчало ее заключения. Она чувствовала себя зависимой от Хантера, а ей не нравилось ни от кого зависеть. Она никогда ни от кого не зависела. Еще меньше ей нравилось ощущение пребывания в клетке.

В XII веке она хотя бы понимала правила. В Англии она смогла пробыть в одиночку. Хантер провел с ней много часов, обучая французскому языку XVII века. Задача облегчалась тем, что она знала нормандский язык, но ей быстро надоедало, когда Хантер начинал общаться с нею исключительно на французском. Он объяснил, что им придется остаться в Париже XVII века на неопределенное время, и что для нее крайне важно знать язык. К своему удивлению, несмотря на постоянные повторения и скучные упражнения, она обнаружила, что освоение нового языка дается ей легко, гораздо легче, нежели «изысканное искусство дамского поведения», и лишь чуть менее легко, чем использование рапиры. Она уже превзошла Хантера. Рост ее мастерства удивил даже его. Но что было толку от знания всех этих вещей, если она была лишена возможности ими пользоваться? Какой был смысл в изучении манер парижанки XVII века, если она оставалась взаперти в четырех стенах гостиницы «Люксембург», ни с кем не встречаясь и никуда не выходя?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.